

Клиръ и Государственная Дума.

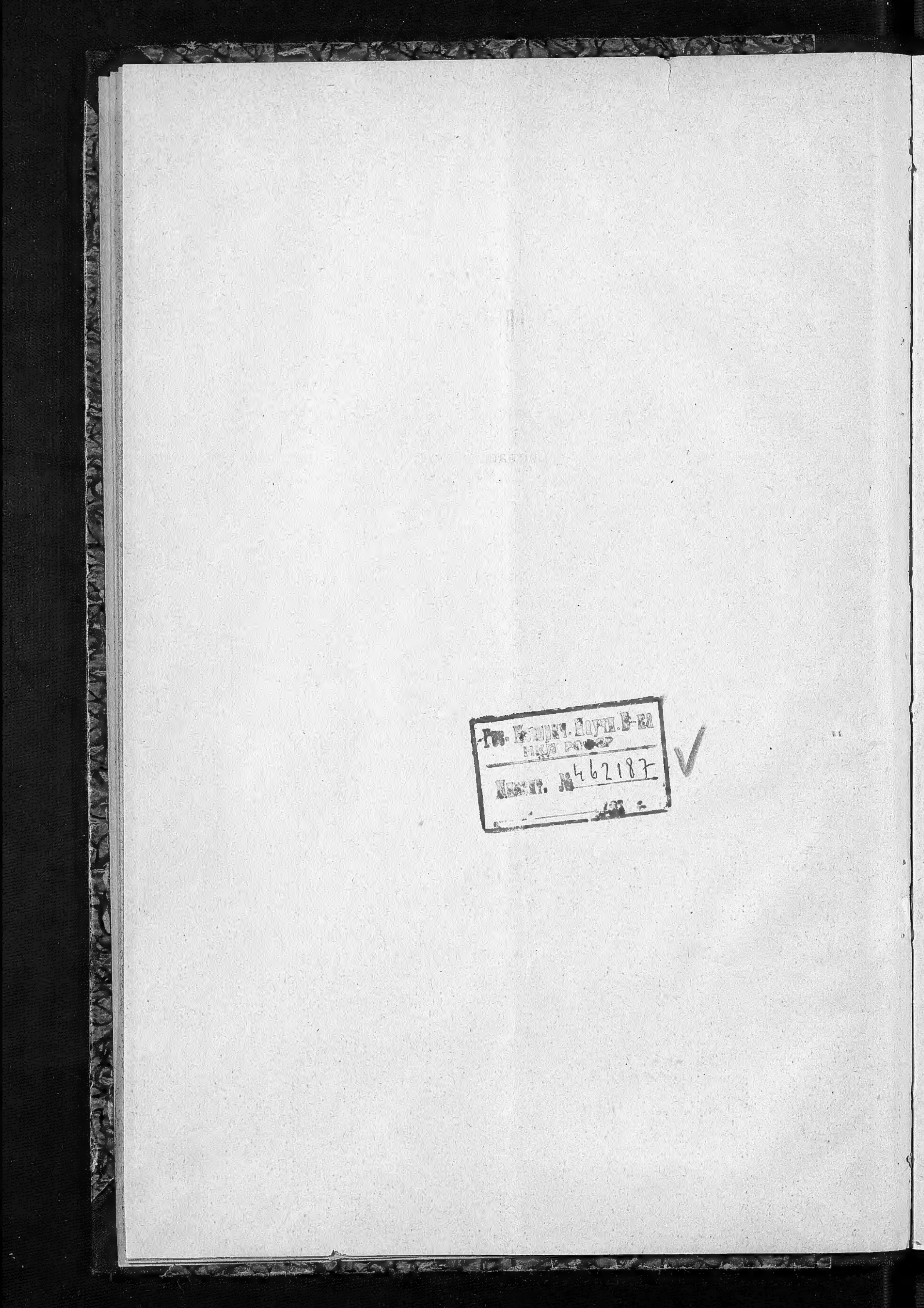
Д. Х.

ТУЛА.
Типографія Е. И. Дружининой, Кіевская ул., д. Кольцова.
1908.

Клиръ и Государственная Дума.

Д. Х.

ТУЛА.
Типографія Е. И. Дружининой, Кіевская ул., д. Кольцова.
1908.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвентар. № 462187

КЛИРЪ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА *).

Въ № 10 журнала „Мирный Трудъ“ за 1906 годъ напечатана рѣчь, сказанная профессоромъ, протоіереемъ Буткевичемъ, въ засѣданіи Государственнаго Совѣта, по вопросу о совмѣстимости съ христіанствомъ смертной казни. Многое въ словахъ протоіерея-профессора очень поучительно; но впечатлѣніе отъ рѣчи его совершенно блѣднѣетъ послѣ чтенія заключительной части оной, изъ которой явствуетъ, что она сказана „главнымъ образомъ“ для того, чтобы оправдать свое, какъ духовнаго лица, уклоненіе отъ утвердительнаго рѣшенія вопроса, несовмѣстимаго съ духовнымъ званіемъ. Такъ, де, поступили три русскіе святителя, призванные къ участію въ разсмотрѣніи дѣла о Декабристахъ: когда судъ надъ ними дошелъ до заключительнаго акта,—они встали, поклонились и ушли.

Послѣдній фактъ намъ доселѣ былъ неизвѣстенъ, и за сообщеніе онаго мы очень благодарны пр. Буткевичу: онъ весьма характеристиченъ. Но какое изъ него сдѣлать заключеніе? Вполнѣ-ли авторъ одобряетъ (принципіально) поступокъ трехъ митрополитовъ, или онъ только хочетъ имъ воспользоваться, какъ прецедентомъ, для оправданія таковаго же съ своей стороны уклоненія,—это не разъяснено. Приводимъ мы все это лишь для удобнѣйшаго приступа (entrée en matière) къ обсужденію общаго вопроса объ участіи лицъ духовнаго званія въ дѣлахъ государственныхъ, каковой усиленно напрашивается на разрѣшеніе со дня изданія закона о Думѣ и ея самъ-другѣ, преобразованномъ Государственномъ Совѣтѣ; особенно же послѣ того,

*) Прочтено въ сокращенномъ видѣ на 82-мъ общемъ собраніи Союза Русскихъ Людей въ Москвѣ товарищемъ предсѣдателя Ю. П. Бартеневымъ. Подъ словомъ „Дума“ подразумѣваются обѣ наши Законодательныя Палаты.

какъ участіе духовныхъ лицъ въ законодательной лабораторіи успѣло выказать себя со всевозможныхъ сторонъ въ теченіи разыгрыванія двухъ первыхъ актовъ Думской драмы. Наступилъ третій актъ. Занавѣсъ поднятъ, актеры выступили на сцену, а мы еще даже и не приступали къ обсужденію, явно не празднаго, вопроса о томъ,— могутъ ли, не впадая въ практическую „антиномію", нѣкоторые изъ нихъ играть за разъ двойныя роли? *).

Примѣръ, данный митрополитами въ 26 году прошлаго столѣтія, и таковой же, данный проф. Буткевичемъ, уклонившимся отъ изреченія приговора по подлежащему его разсмотрѣнію въ качествѣ члена учрежденія, призваннаго высказываться по всѣмъ дѣламъ, его вѣдѣнію подлежащимъ, доказываетъ, какъ намъ кажется, лишь то, что мы очень неохотно начинаемъ всяческую нашу дѣятельность съ точнаго опредѣленія основныхъ началъ таковой, издавна предпочитая (особенно со временъ Петра, этого „Великаго" насадителя безпринципности, увы, такъ успѣшно къ намъ привившейся!) анекдотическую форму разрѣшенія затрудненій, когда они возникаютъ, какъ болѣе покладистую и болѣе гибкую. Гибкость дѣйствительно имѣетъ много въ себѣ „прелестнаго". Но самое выраженіе это должно указывать и на опасность въ нѣкоторыхъ важныхъ вопросахъ рѣшенія оныхъ способомъ, допускающимъ такой двухсмысленный о себѣ предикатъ.

Не лучше ли было митрополитамъ въ 26 году XIX ст. и другимъ духовнымъ лицамъ изъ нашей современности, до выступленія въ дѣлѣ, которое они, явно, не могутъ или доводить до конца, или додѣлывать во всѣхъ подробностяхъ его,— не лучше ли было рѣшить предварительно: вступать ли имъ въ оное или нѣтъ? Намъ, по крайней мѣрѣ, кажется, что брать на себя то, что я завѣдомо не могу довершить или въ общемъ, или въ частности — не цѣлесообразно. Непосильнымъ бываетъ многое либо по недостатку силъ ум-

*) Нынѣшняя Дума особенно богата духовными „представителями". Статья эта была написана до начала засѣданій третьей Думы.

ственныхъ, либо, напротивъ, по избытку запросовъ нравственныхъ, связывающихъ человѣка тамъ, гдѣ — оппортунизмъ является почти неизбѣжнымъ требованіемъ.

Слѣдовало бы рѣшить напередъ, слѣдуетъ ли архіереямъ участвовать въ судѣ, могущемъ требовать произношенія приговоровъ, съ Святительствомъ несовмѣстимыхъ? и также, до вступленія въ члены Думы или Государственнаго Совѣта, не лучше ли было рѣшить: можно ли духовному лицу брать на себя должность, требующую иногда рѣшеній, съ духовнымъ званіемъ несовмѣстимыхъ?

Члены Думы и Государственнаго Совѣта предполагаются компетентными или ничѣмъ не стѣсненными по разрѣшенію всѣхъ предлагаемыхъ имъ вопросовъ (конечно, не въ смыслѣ всезнанія). Если бы въ эти два учрежденія пошли очень многіе, а можетъ быть даже большинство лицъ, по своему положенію не могущихъ рѣшать такія или иныя дѣла — какое же странное учрежденіе составилось бы изъ такихъ лицъ!

Но именно самого основнаго вопроса: объ умѣстности участія духовныхъ лицъ въ учрежденіяхъ гражданско-законодательныхъ никто изъ властныхъ или невластныхъ духовныхъ лицъ (кромѣ одного св. Арсеньева, заявившаго печатно, что онъ считаетъ участіе священниковъ въ учрежденіяхъ народоправныхъ противнымъ апостольскимъ правиламъ, а по сему отказывается отъ внесенія его имени въ списки и отъ участія въ выборахъ) не поднималъ, сколько намъ извѣстно. Гражданская печать тоже этого вопроса не затрогивала; но это можетъ быть изъ деликатности по отношенію къ духовенству, чтобы его не обидѣть произнесеніемъ сужденія непріятнаго для многихъ духовныхъ лицъ, жаждущихъ политиканить чуть-чуть не больше, чѣмъ нѣкоторые міряне. Это объясненіе мы допускаемъ, впрочемъ, тоже только изъ деликатности, ибо попросту думаемъ, что и свѣтскіе и духовные одинаково у насъ не любятъ приступать къ обсужденію всяческихъ вопросовъ съ предпосланіемъ таковому латинскаго изреченія: „distinguo“. Правда, — это есть краеуголіе западной іезуитской схола-

стики; но, вѣдь, тамъ, гдѣ требуется отвѣтъ точный, тамъ методъ схоластическій нельзя достаточно рекомендовать. Западные люди лишь въ томъ погрѣшали, что хотѣли быть вполнѣ точными даже въ вопросахъ, которые формальной точности не допускаютъ.

Но вопросы обихода житейскаго очень нуждаются въ точномъ рѣшеніи: а посему, желая сказать нѣчто по поводу участія лицъ духовныхъ въ гражданскомъ законодательствѣ, мы поставимъ эпиграфомъ дальнѣйшему нашему разсужденію латинское очень почтенное слово „distinguo“ *).

Надо постараться точно выяснить вопросъ, какое понятіе можно допустить, съ точки зрѣнія Церковной, о совмѣстимости служенія Церкви и Государству въ лицѣ членовъ клира.

Съ точки зрѣнія государственной этотъ вопросъ рѣшается просто: членъ клира полноправный гражданинъ или нѣтъ? Конечно, да! Но съ государственной же точки можетъ быть поставленъ вопросъ: не слѣдуетъ ли, въ виду сугубыхъ обязанностей клириковъ, избавить ихъ отъ нѣкоторыхъ обязанностей, несовмѣстимыхъ или слишкомъ обременительныхъ, напримѣръ, воинская повинность или повинность по судебной части **). Этотъ вопросъ поставленъ и разрѣшенъ уже въ формѣ утвердительной, и клирики не несутъ ни военной, ни судебной повинностей, или, иными словами, не пользуются правомъ съ оружіемъ защищать родину и ставить вердикты. Если смотрѣть на участіе въ

*) Латинскій языкъ, созданный для выраженія юридически-точныхъ понятій, весьма важенъ для нашего культурно-умственнаго обихода, именно потому, что онъ восполняетъ нашу эллинско-восточную наклонность къ такой отвлеченности, которая легко переходитъ въ совершенную безформенность. Знаніе латинскаго языка для насъ столько же необходимо, сколько для западныхъ народовъ — греческаго языка; и это на основаніи закона о взаимовосполненіи противоположнаго одного другимъ. Хотя, по мнѣнію митрополита Филарета, латинскій языкъ не пригоденъ для выраженія понятій нашей церковно-богословской науки, но едва ли православное богословіе выиграло отъ вытѣсненія латыни изъ семинарій и академій.

**) Неточность нашего законодательства послѣднихъ временъ, не хотящаго также признавать принципа „distinguo“, сдѣлала то, что послѣдняя обязанность облечена въ форму права, которымъ, впрочемъ, едва ли кто тщится когда либо пользоваться.

законодательной работѣ, какъ на повинность, то не слѣдуетъ ли освободить отъ нея членовъ клира, какъ отъ нея освобождены и всѣ лица, занимающія государственныя должности, препятствующія единовременному исполненію двухъ обязанностей? Но если считать, что государство смотритъ на воинскую повинность, какъ на право, хотя бы и въ формѣ высокаго священнаго долга передъ отечествомъ; а также и на судебную, и избавляетъ лицъ духовнаго сословія отъ несенія ихъ по несовмѣстимости внутренней этихъ функцій съ важнѣйшимъ служеніемъ церкви; то не представится ли и съ государственной точки зрѣнія вопросъ такого рода: лица духовнаго сословія, хотя и полноправные граждане, но если по сущности своего званія они не могутъ исполнять нѣкоторыхъ обще-гражданскихъ функцій, то можно ли ихъ почитать заурядъ гражданами? не суть ли они что-то вродѣ сверхъ-гражданъ (гражданскіе сверхчеловѣки) и, слѣдовательно, лица, не могущія быть представителями заурядъ гражданъ,—тѣмъ болѣе, что они, какъ представители, состоятъ уже представителями культурнаго начала сверхъ-государственнаго, а слѣдовательно, не могущими быть уже представителями того государственнаго, для нихъ нисшаго, строя, который выражается въ законодательствѣ по вопросамъ, на которые они, какъ представители высшаго, могутъ и должны смотрѣть сверху внизъ и, слѣдовательно, въ такой перспективѣ, которая для практическаго примѣненія негодна?

Изъ примѣра протоіерея Буткевича явствуетъ, что онъ смотритъ именно съ этой точки зрѣнія на вопросы о смертной казни.

Высказанное имъ совершенно вѣрно по ученію христіанскому; но если онъ уклонился отъ формальнаго рѣшенія вопроса именно потому, что стоялъ на высшей точкѣ сверхъ-государственной и таковую не счелъ примѣнимой къ практическому рѣшенію; то ясно, что онъ самъ призналъ себя не компетентнымъ играть роль законодателя по этому вопросу; а посему, слѣдовательно, и не всестороннимъ законодателемъ.

Если же законодательное учрежденіе будетъ состоять изъ людей, которые не всегда компетентны, не по незнанію, а по принципіальному отношенію къ подлежащимъ имъ дѣламъ, то что же это будетъ за государственное законодательное учрежденіе?

Повидимому, не много такихъ щекотливыхъ вопросовъ, какъ вопросъ о смертной казни, могутъ подлежать рѣшенію законодательныхъ палатъ; а посему не бѣда, если по двумъ-тремъ дѣламъ члены оныхъ изъ духовенства уклонятся отъ обсужденія ихъ и отъ рѣшенія по нимъ.— Едва ли, однако, позволительно предполагать, что этихъ дѣлъ такъ мало. Думаемъ наоборотъ, что ихъ очень много и даже такихъ, которыя для рѣшенія по нимъ гораздо неудобнѣе для духовныхъ лицъ, чѣмъ вопросъ о смертной казни, о которомъ духовные же лица, современники Владиміра Святаго, не постѣснялись высказаться въ смыслѣ самомъ категорическомъ. И дѣйствительно, это такой вопросъ, въ рѣшеніи котораго, пожалуй, очень и очень нужно даже и не священникамъ становиться на ту высшую точку зрѣнія, которая по преимуществу должна быть почитаема сверхъ-государственной и изъ-за которой именно, какъ для нихъ обязательной, нѣкоторые современные іереи, въ отличіе отъ іереевъ древнихъ, себя объявили не компетентными.

Каково же должно быть положеніе тѣхъ же духовныхъ лицъ по вопросамъ, въ которыхъ нѣтъ никакихъ высшихъ нотъ, а лишь одни самыя низменныя, въ дѣйствительности составляющіе огромное большинство всѣхъ вопросовъ государственныхъ?

Беремъ, такъ сказать, первые попавшіеся подъ руку, напримѣръ, всѣ вопросы объ арміи, за исключеніемъ, можетъ быть, вопроса о духовномъ руководствѣ воиновъ. Всѣ почти вопросы финансовые; вопросы о регулированіи общественныхъ пороковъ и т. п. По симъ послѣднимъ, съ точки зрѣнія Церковной, возможна лишь полнѣйшая intrensigeance. По нимъ, конечно, должны невольно высказываться и христіане не клирики; и для нихъ этотъ актъ также труденъ, какъ для іереевъ; не болѣе же послѣдніе хри-

стіане, чѣмъ первые?—Это, конечно, вѣрно, но между ними и іереями по отношенію къ такимъ вопросамъ существуетъ то важное различіе, что одни, священники, суть представители церкви, а вторые лишь ея послѣдователи; и то, что допустимо для послѣднихъ, то нетерпимо въ первыхъ; ибо если они въ извѣстномъ случаѣ будутъ сходить съ высоты своего церковнаго представительства, чтобы временно сдѣлаться представителями начала низшаго и низшихъ интересовъ, то они тѣмъ самымъ измѣняютъ своему высшему служенію и унижаютъ себя и измѣняютъ представительству церковному, за каковое они добровольно взялись и притомъ навсегда и вездѣ. Это, вѣдь, положеніе общее: то, что можетъ говорить отъ себя по вопросамъ, напримѣръ, національнымъ частный человѣкъ, того не можетъ говорить оффиціальный представитель державы, не компрометируя представляемаго имъ государства. Даже лица, однимъ лишь оффиціальнымъ званіемъ облеченныя, не могутъ о многихъ вопросахъ высказываться съ тою свободою, которая вполнѣ допустима для заурядныхъ гражданъ *). Священникъ, конечно, можетъ, по человѣчеству, имѣть такое или иное мнѣніе объ армейскихъ порядкахъ, о разныхъ видахъ налоговъ или даже о томъ, какъ смотрѣть на разныя, терпимыя государствомъ фривольности; но если онъ объ нихъ будетъ судить въ Думѣ или въ Совѣтѣ и выражать свои взгляды на перевооруженіе арміи, на средство увеличить доходность отъ монополій, на регламентацію публичныхъ мѣстъ; то онъ, конечно, не совершая ничего граждански предосудительнаго, тѣмъ не менѣе по отношенію къ народу православному, гораздо болѣе себя представитъ выходящимъ изъ предѣловъ своей высшей роли, чѣмъ если онъ даже категорически выскажется о смертной казни, вопросѣ дѣйствительно не только государственномъ, но и такомъ, который затрагиваетъ самыя глубокія стороны человѣческой души.

---

*) Стоитъ вспомнить инциндентъ съ рѣчью Скобелева, вызвавшею бурю въ Германіи и протестъ императора Вильгельма и Бисмарка. А онъ былъ во Франціи не представителемъ Россіи, а только лицомъ, облеченнымъ саномъ.

Для государства, слѣдовательно, вопросъ объ участіи духовенства въ законодательствѣ долженъ-бы представляться въ такомъ видѣ: лица духовныя суть полноправные граждане, а потому не могутъ не имѣть тѣхъ же правъ по участію въ законодательной работѣ, что и прочіе граждане. Но государство христіанское не можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ не знать, что начало религіозное, „церковное" почитается противъ государственнаго высшимъ и что, слѣдовательно, служители высшаго начала въ сущности могутъ лишь унижаться (déroger), дѣлаясь слугами начала низшаго. По сему, прежде чѣмъ приглашать ихъ къ такому акту самоуниженія, слѣдовало-бы спросить у Церкви, какъ она сама смотритъ на такое участіе ея служителей въ несеніи именно этой законодательной формы государственнаго бремени и совмѣстимо-ли, и въ какой степени, участіе лицъ, избравшихъ служеніе „алтарю", съ служеніемъ и той земной суетѣ, которая олицетворяется въ государствѣ.

Очень можетъ быть, что Церковь признала-бы совмѣстимость эту не только возможной, но и желательной въ извѣстныхъ предѣлахъ и въ извѣстномъ видѣ; и тогда государству слѣдовало бы съ этимъ сообразовать приглашеніе духовныхъ лицъ къ участію ихъ въ законодательствѣ и можетъ быть придать такому участію особый видъ, подчеркивающій какъ высокое значеніе духовенства, такъ и его сознательное устраненіе отъ разсмотрѣнія дѣлъ, несовмѣстныхъ съ высотою этого служенія.

Вводя въ попыхахъ наши новыя законодательныя учрежденія, правительство наше совсѣмъ не приняло во вниманіе исключительное положеніе духовенства; но въ виду его гражданскаго полноправія смѣшало его въ общую массу лицъ, допущенныхъ къ избранію и къ избираемости въ Думу и Государственный Совѣтъ. Но тогда же въ одну массу скомканы были всѣ обыватели Русскаго государства „всѣхъ племенъ, нарѣчій, состояній" и вѣръ, что, конечно, объяснимо лишь тѣми условіями „скоропалительности", ко-

торыя были почитаемы правительствомъ за главный въ то время императивъ. Этимъ, до извѣстной степени, и объясняется и, пожалуй, оправдывается такое отношеніе къ вопросу объ участіи въ законодательствѣ по всѣмъ безъ различія вопросамъ лицъ православнаго духовенства. Но когда послѣ двухъ неудачныхъ опытовъ съ Думою, составленной „скоропалительно", въ прошломъ году уставъ ея подвергся значительному преобразованію, вопросъ о томъ, не слѣдуетъ-ли дать духовенству особую роль въ законодательномъ дѣлѣ или даже его вовсе отъ участія въ ономъ уволить — все-таки не возникъ, несмотря на явныя неудобства для самой Церкви отъ участія ея, „не спеціально ею же уполномоченныхъ служителей" въ дѣлахъ вѣка сего,— то едва ли уже одна государственная власть подлежитъ порицанію за такое невниманіе къ особому положенію духовенства, ибо само высшее представительство Церкви ничего не возразило противъ скороспѣло установленныхъ порядковъ. Оно этимъ какъ бы признало, что участіе священнослужителей въ дѣлахъ политическихъ вполнѣ допустимо на общихъ основаніяхъ; и чему же удивляться, если многіе іереи, ставъ на точку зрѣнія, не осужденную высшей церковной властію, заиграли въ политику „во вся". Никто изъ православныхъ не возьмется оправдывать похожденія іереевъ думскихъ, подвергшихся церковному осужденію или только избѣжавшихъ формальнаго церковнаго осужденія; но едва ли найдется и кто-либо, кто не призналъ бы, что вина главная за то, что проявили въ Думѣ многіе іереи, падаетъ на церковную власть, которая совсѣмъ не высказала своего мнѣнія объ участіи духовныхъ лицъ въ политической игрѣ, освященной конституціонной идеею и насажденною у насъ по образцу европейскому; а при отсутствіи такого указанія ясно, что всякій іерей имѣлъ право предположить, что св. Синодъ его благословляетъ къ игрѣ на политической биржѣ, и въ такомъ случаѣ всякій-де воленъ играть на повышеніе или пониженіе тѣхъ цѣнностей, которыя ему любезны.

Причину такого явленія нельзя не видѣть въ томъ,

что и наше духовное начальство не хочетъ принять себѣ въ руководство того западнаго, но очень почтеннаго положенія, которое выражается словомъ „distinguo“.

Это, думаемъ мы, происходитъ не отъ нерасположенія ко всему западному, въ чемъ нельзя очень обвинять наше высшее, да и всяческое новѣйшей формаціи духовенство, а болѣе отъ того, что „distinguo“ очень требовательное нѣчто: при немъ надо умственно подтянуться; а мы всѣ вообще, и іерархія наша въ томъ числѣ, совершенно не расположены утомлять себя излишней точностью: не для того-ли и изгнанъ былъ изъ духовныхъ школъ латинизмъ, этотъ главный коэффиціентъ формализма умственнаго, чтобы съ полной свободою предаться всей прелести восточной „широты мысли“, увы! столь наклонной переходить въ „мысленное ничто“? По существу своему русскій умъ не есть совершенно аморфное нѣчто. Русскій умъ, народный, лишь не любитъ порабощенія формѣ, къ чему умъ западный очень склоненъ; но наша интеллигенція, какъ духовная, такъ и свѣтская, отличается именно тѣмъ, что она въ себѣ соединила всѣ отрицательныя стороны Востока и Запада и посему въ ней постоянно идетъ рука объ руку совершенная мысленная безформенность съ повседневнымъ культомъ формы, возведенной на степень фетиша. Нигдѣ такъ, напримѣръ, не индифферентны люди къ истинной мысли и знанію, какъ у насъ; и нигдѣ такъ не покланяются фетишу-диплому, какъ у насъ же. Съ дипломомъ безъ знанія куда угодно ходъ; безъ диплома же никуда. При такомъ отношеніи къ всяческимъ вопросамъ, церковная высшая интеллигенція, а за ней и всяческая, удовлетворившись вполнѣ формальнымъ признаніемъ за членами клира гражданскихъ правъ, дарованныхъ всѣмъ, не сказала и теперь ничего послѣ 3-го іюня 1907 года, и даже и не подумала ни минуты о томъ, какъ заурядное пользованіе гражданскими правами выразится на дѣлѣ и какъ оно отзовется на ходѣ служебныхъ обязанностей духовенства. Но вѣдь для рѣшенія этихъ вопросовъ надо было сначала поставить таковое же объ отношеніи государства къ Церкви въ прин-

ципіальномъ смыслѣ,—не въ томъ только, какъ имъ жить въ согласіи и мирѣ или во взаимномъ отчужденіи, а о томъ, какъ смотрѣть людямъ церковнымъ на свое призваніе по отношенію къ гражданскому дѣлу, какъ на высшее къ низшему, какъ на равное къ равному, или какъ на низшее къ высшему,—и тогда, согласно съ этимъ, ясно сказать, что клирикамъ для гражданскихъ обязанностей надо пренебрегать церковными, или наоборотъ, гражданскими для церковныхъ, или, наконецъ, при равенствѣ таковыхъ, стараться о совмѣщеніи оныхъ путемъ взаимныхъ уступокъ. Церковная интеллигенція видимо въ глубинѣ души почитала, что гражданская роль все-таки поважнѣе духовной: Церковь-де, вмѣщается въ государствѣ, а не наоборотъ! Посему и поприще государственное шире: ходить по нему поважнѣе, чѣмъ только заниматься сравнительно узкой сферой клерикальныхъ интересовъ. А если такъ, то жертвуя государственными правами церковнымъ обязанностямъ, клирики останутся въ убыткѣ, и по сему скорѣе давайте пользоваться дарсванными государственными правами. И воспользовались! Но какъ? Въ Думѣ іереи заиграли на самыхъ высокаго тона политическихъ инструментахъ и, не ждавшіе такого увлеченія, іерархи нагрянули на нихъ и начали ихъ разносить. Въ Государственномъ же Совѣтѣ болѣе культурные и высшаго пошиба іереи заявили при первомъ щекотливомъ вопросѣ, что-де имъ, какъ священникамъ, рѣшать таковые не удобно. Да развѣ церковное правительство не могло предвидѣть, что заурядные іереи, пустившись въ политику, зарвутся, а высшаго пошиба, встрѣтившись съ препятствіями, которыхъ лишь слѣпые не предусматривали на такомъ поприщѣ, которое всяческими камнями преткновенія усѣяно, скажутъ—имѣйте насъ по сему дѣлу отреченными? Чего же было допускать участіе клириковъ въ учрежденіяхъ, въ которыхъ они явно не могутъ также свободно обращаться, какъ остальные граждане, и, слѣдовательно, осуждены либо играть роль неподходящую въ смыслѣ легкомыслія, либо роль урѣзанную въ случаѣ обладанія „умѣренностью и аккуратностью“.

Конечно, этотъ недосмотръ происходитъ не отъ случайныхъ причинъ и не отъ того, что новыя учрежденія пали какъ снѣгъ на голову, ибо въ теченіи двухъ лѣтъ можно бы было опомниться и осмотрѣться. Наше духовенство всѣхъ ступеней живетъ въ такой же недодуманности по своей части, въ какой остальная интеллигенція по своей. Точныхъ понятій у насъ въ обиходѣ нѣтъ; и ничего такъ не долюбливаетъ русскій „образованный человѣкъ", какъ требованія отъ него схоластическаго, но почтеннаго „distinguo". Оттуда эти вѣчныя недоразумѣнія даже между записанными подъ однимъ ярлыкомъ, и потому программы партій такъ мало въ сущности значатъ. Только что программу начнутъ примѣнять—она разсѣивается „какъ сонъ, какъ легкое видѣніе". Сильны только отрицательныя программы или, точнѣе говоря, программы въ ихъ отрицательной сторонѣ; ибо онѣ тогда живутъ не своимъ положеніемъ, а положительностью отрицаемаго, объединяющаго противниковъ въ дѣлѣ разрушенія.

Какое мѣсто принадлежитъ Церкви въ государствѣ и какова роль церковниковъ въ дѣлѣ гражданскомъ? Св. Синодъ былъ обязанъ рѣшить этотъ вопросъ въ принципѣ: онъ это не сдѣлалъ и доселѣ не тщится дѣлать; а благодаря этому, появляется, съ одной стороны, безшабашность никѣмъ не направляемыхъ членовъ Думы изъ батюшекъ и чрезмѣрная осторожность священныхъ членовъ Государственнаго Совѣта, судя по примѣру почтеннаго протоіерея Буткевича. Вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ, думается намъ, послѣ предварительнаго рѣшенія вопроса—что выше: служеніе церкви или государству? Служить же двумъ господамъ, по Евангельскому Слову, нельзя *). Въ теоріи, конечно, церковная область считается высшей; но гражданская несравненно любезнѣе: она касается такихъ

*) Хотя въ Евангеліи взяты для примѣра такихъ два господина, каковы Богъ и мамона; но, во-первыхъ, мамонъ вовсе не бѣсъ въ точномъ смыслѣ, а затѣмъ положеніе о двухъ господахъ высказано въ формѣ общей и примѣръ двухъ господъ взятъ вовсе не исчерпывательный. По Евангелію — нельзя служить вообще двумъ господамъ, не однороднымъ.

интересныхъ, осязаемыхъ вопросовъ, и такихъ разнообразныхъ! Посему и получается при непримѣненіи требованія „distinguo" такое положеніе, въ которомъ легко разыграть древняго Hercules in bivio. Въ одномъ отношеніи Церковь выше, ибо она занимается вопросами высшими; съ другой, государство „забористѣе", ибо его интересы ужъ очень близки каждому, да и такъ разнообразны! Къ тому же священныя лица такъ заманчиво признаны совершенно полноправными гражданами, что отказаться отъ прямаго и постояннаго участія въ дѣлахъ государственныхъ было бы и слишкомомъ тяжело и какъ бы доказательствомъ не полной гражданственности. Послѣднее особенно нестерпимо: сколько лѣтъ духовенство было почти гражданскими паріями; въ немъ столько лѣтъ назрѣвали политическія похоти, потому что оно было лишено политической роли *), что упустить теперь случай заиграть на всѣхъ гражданскихъ струнахъ, имѣющихся въ душѣ у священныхъ лицъ, не менѣе чѣмъ у другихъ обывателей, было бы безразсудно.

Вопросъ этотъ сразу принимаетъ крайне практическую форму; но похоти политическія, видимо, такъ сильны, что и на него никто изъ іерарховъ даже не обратилъ вниманія, хотя думаемъ, что многіе міряне очень обратили на него вниманіе и, можетъ быть, очень многіе же глубоко смущены невниманіемъ къ нему тѣхъ, кому оный вопросъ вѣдать надлежитъ. Приходскій священникъ (тоже и архіерей, хотя нѣсколько въ меньшей степени), призванный къ водительству душъ ко спасенію, избирается въ Думу на пять лѣтъ. Засѣданія Думы предполагаются свыше полугодовыхъ въ каждую сессію. Слѣдовательно, при благопріятномъ ходѣ дѣлъ пастырь словесныхъ овецъ долженъ бросить свою паству на долгій срокъ на произволъ су-

*) Когда митрополитъ Филаретъ высказался противъ участія духовныхъ лицъ въ Государственномъ Совѣтѣ, то это можетъ быть происходило отъ того, что онъ лично былъ часто приглашаемъ къ участію въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ, и потому его личные политическіе аппетиты были вполнѣ удовлетворены. Если же не предположить, что онъ, какъ истинный церковный мыслитель, смотрѣлъ на вопросъ съ высшей и не личной точки зрѣнія, то такое объясненіе можетъ быть и допустимо.

дебъ, ибо причисленіе временное къ другому приходу равносильно сведенію на нѣтъ духовнаго водительства; а въ приходахъ, другъ отъ друга отдаленныхъ, даже и жреческая сторона служенія тоже почти сходитъ на нѣтъ *). И это на пять лѣтъ! Замѣщать временно командируемымъ монахомъ на пять полугодій отсутствующаго іерея неудобно, ибо и онъ будетъ непостояннымъ пастыремъ; а съ другой стороны, прихожане либо будутъ подозрѣвать, что ихъ іерей изъ-за корысти бросаетъ ихъ, или, что, пожалуй, еще хуже,—будутъ привыкать видѣть въ политикѣ нѣчто противъ церкви высшее, ибо священникъ промѣнялъ служеніе Богу на служеніе политикѣ и, слѣдовательно, съ согласія епископа, явно исповѣдовалъ, что мірскія дѣла важнѣе духовныхъ, ибо послѣднія приносятся въ жертву первымъ. А такъ какъ для народа простого, проповѣдь дѣломъ убѣдительнѣе таковой же словомъ, то очень возможно, что паства такихъ пастырей, которые ставятъ дѣло мірское выше Божьяго, убѣдится ихъ примѣромъ и тоже принесетъ Бога въ жертву мамонѣ, а тогда... вернувшемуся послѣ пятилѣтняго отсутствія священнику придется уложить пожитки и за ненадобностью въ немъ удалиться вовсе. Конечно, мы дѣлаемъ предположеніе очень неправдоподобное. Но оно вытекаетъ логически изъ принципа, по которому пастырь „бросаетъ овцы и убѣгаетъ“. Если же на дѣлѣ сказанное нами, вѣроятно, не осущест-

---

*) Нельзя не замѣтить, что въ духовенствѣ гораздо болѣе принимается во вниманіе жреческая онаго роль, чѣмъ пастырская, на что еще обращалъ вниманіе покойный митрополитъ Московскій Иннокентій. По сему, можетъ быть, оно и мирится на томъ, что требы будутъ-де такъ или иначе исполнены. По этому поводу приходитъ на мысль, что народное названіе іерея „попъ“, пожалуй, указываетъ именно на ихъ преобладающій жреческій характеръ. А. С Хомяковъ, въ своихъ запискахъ по Всемірной Исторіи, проводилъ очень не бездоказательно мысль о томъ, что въ латинскомъ языкѣ сильная струя Славянства. Эту мысль, но въ еще болѣе рѣшительной формѣ, защищаетъ итальянскій ученый, профессоръ Серджи, почитающій латинское племя за отпрыскъ средне-европейскаго обще-славянскаго племени. (Ср. пр. Модестова: Введеніе къ Римской Исторіи). По-латыни жрецъ закалатель назывался „popa“. Во всякомъ случаѣ слово „попъ“ вовсе не одного корня съ греческимъ „папасъ“, римскимъ папой; хотя сей послѣдній, принявъ титулъ Pontifex, также причисляетъ себя къ жречеству, quasi языческому.

вится, то лишь потому, что пастыри наши, въ среднемъ, одинаково мало воздѣйствуютъ на пасомыхъ какъ словомъ, такъ и дѣломъ. Для даннаго случая это очень благопріятное явленіе; но въ общемъ едва-ли оно утѣшительно. Пасомые у насъ, въ сущности, доселѣ рѣдко имѣютъ въ лицѣ духовенства пастырей и обходятся въ жизни и въ дѣлѣ вѣры почти исключительно тѣмъ общимъ просвѣтительнымъ началомъ, которое со временъ крещенія Руси, такъ сказать, носится въ нашей духовной атмосферѣ; и, конечно, это сознаютъ наши пастыри настолько, что внутренне себя вполнѣ успокаиваютъ тѣмъ соображеніями, что-де таинства какъ-нибудь да совершатъ; а въ остальномъ, какъ при насъ, такъ и безъ насъ, отъ православія „уповательно" не отступятъ; намъ же, какъ полноправнымъ гражданамъ, нельзя не исполнить своего, обще-гражданскаго долга и къ тому же, если насъ сограждане выбираютъ, то этимъ возвышается престижъ Церкви, коему мы призваны споспѣшествовать.

Что же, однако, эти іереи отправляются дѣлать вдали отъ своихъ приходовъ? Вотъ этотъ-то вопросъ никто не ставитъ на разрѣшеніе, а въ немъ вся суть.

Если бы то, что имъ принадлежитъ творить, покидая приходъ, дѣйствительно, было важнѣе того, что они призваны дѣлать, состоя при своемъ храмѣ, тогда, конечно, и временное отсутствіе ихъ было бы вполнѣ законно. Но объ этомъ-то никто даже и вопроса не ставитъ: ѣдемъ-де исполнить гражданскій долгъ! А изъ чего онъ дѣйствительно слагается? Вотъ этого-то именно анализа предлежащей въ Думѣ іереямъ дѣятельности ни они сами, ни ихъ набольшіе не даютъ себѣ труда сдѣлать. Если же это было бы учинено, то несомнѣнно получилось бы, либо сознательное, оффиціально выраженное одобреніе политиканствованію іереевъ и епископовъ, либо, наоборотъ, послѣдовало бы или представленіе синодальное Государю о желательности выдѣленія іереевъ-гражданъ въ особую „курію", для какого-нибудь отличнаго отъ обще гражданскаго служенія законотворенію, или совершеннаго бы отъ такового

служенія увольненія; либо, наконецъ, Синодъ или епископъ дали бы совѣтъ іереямъ уклониться отъ избранія и избираемости, подкрѣпляя оный примѣромъ самого епископа.

Конечно, перебирать здѣсь дѣла, могущія быть предложенными на усмотрѣніе священниковъ-думцевъ и Гос. Совѣтниковъ для выясненія, какія изъ нихъ могутъ быть іереями вершимы безъ ущерба для іерейскаго достоинства, было бы очень сложная и не совсѣмъ нужная работа. Въ сущности многіе такіе вопросы не унизительны, а обязательно важны для гражданина свободнаго отъ другого болѣе высокаго призванія. Они только потому являются неподходящими для человѣка, посвятившаго себя высшему служенію (напр. даже наукѣ и искусству), что наглядно показываютъ, что занимающійся ими не занимается своимъ „высшимъ дѣломъ“. Если въ Думѣ разсматривается вопросъ о смертной казни или объ организаціи учебно-образовательнаго дѣла, то никто не скажетъ, что ученый, художникъ или іерей снисходитъ до нихъ, а наоборотъ,—всѣ одобрятъ участіе этихъ лицъ въ подобныхъ дѣлахъ. Но разсмотрѣніе вопроса о реформѣ таможеннаго дѣла или тому подобныхъ (вопросы сами по себѣ очень почтенные) іереями или епископами не можетъ не выставить на видъ того, что они, которые должны бы „поучаться въ законѣ Господнемъ день и нощь“ для того, чтобы въ немъ наставлять другихъ, предпочитаютъ сему, никогда не неисчерпаемому занятію, служащему основою для ихъ пастырскаго служенія, другія занятія, служащія лишь для удовлетворенія самыхъ банальныхъ потребностей государственнаго обихода. Такимъ образомъ, не входя въ перечисленіе всего того, что подлежитъ разсмотрѣнію членовъ Думы или Государственнаго Совѣта, можно и должно высказаться духовенству, особенно же архипастырямъ, по общему вопросу: можно ли тому, кто призванъ дѣлать, не покладая рукъ, дѣло Божье, дѣлать и дѣла мірскія, изъ которыхъ многія такъ не духовны, что одно занятіе ими под-

черкиваетъ забвеніе о духовномъ дѣлѣ въ тѣхъ, кто ими занимается. Если духовенство посвятило себя духовному служенію, то можетъ ли оно единовременно служить тому, что такъ далеко и такъ отдаляетъ отъ духовныхъ вопросовъ? Когда въ Іерусалимѣ первые христіане завели общія трапезы, то Апостолы тотчасъ заявили, что имъ нельзя единовременно и проповѣдывать и заниматься хозяйствомъ, и учредили для этого институтъ низшій—дьяконовъ. А теперь оказывается, что преемники ихъ въ полнотѣ ихъ служенія и ихъ ближайшіе помощники, пресвитеры, находятъ себя вполнѣ способными отвлекаться отъ дѣлъ проповѣди не только для все-таки вполнѣ церковнаго, хотя сравнительно низшаго дѣла, прокормленія своихъ же членовъ, но даже и для занятій вопросами, требующими углубленія во всю житейскую суету и, слѣдовательно, положительно мѣшающими заняться дѣлами своего призванія. Несовмѣстимость этихъ занятій ясна.

Но можетъ быть, однако, надо признать, что въ гражданинѣ-іереѣ церковная роль его должна уступать его гражданскому призванію. Вотъ этотъ то вопросъ и подлежитъ разъясненію категорическому; и если этотъ вопросъ не былъ даже разсмотрѣнъ правительствомъ христіанскаго государства, то это должно непремѣнно быть сдѣлано самими водителями церкви—Синодомъ и іерархами *). Мы не думаемъ, что это доказываетъ господство въ іерархіи Русской эрастіанизма Англійскаго XVIII вѣка. Нѣтъ, это все та же умственная спячка, которая есть доселѣ преобладающая черта всей, и свѣтской, и духовной, интеллигенціи, и

*) Но ихъ равнодушіе ко всѣмъ правительственнымъ распоряженіямъ, явно задѣвающимъ церковную жизнь,—поразительна!.. Кто изъ Россійскихъ преемниковъ Апостоловъ заявилъ протестъ противъ выборовъ въ Думу, назначенныхъ въ 1906 году на 25-е марта? Или въ 1907 г. выборы были назначены на 14-е сентября? Явно, что нѣсколько отдаленые отъ городовъ священники и міряне, чтобы исполнить гражданскій долгъ, должны бы забыть объ исполненіи своей религіозной потребности; и не ясно ли, что избраніе такихъ дней сдѣлано нашей жидофильскою властію сознательно, чтобы уменьшить количество на выборахъ православнаго, а слѣдовательно, и консервативнаго элемента: православный предпочтетъ церковь избирательной залѣ, а либеральный элементъ учтетъ это въ свою пользу.

только она одна препятствуетъ и духовной власти тряхнуть схоластическимъ *) „distinguo“ по дѣлу, столь важному для церковнаго самосознанія нашего. Хотя многіе почитаютъ, что громы событій послѣднихъ лѣтъ окончательно пробудили наше долго дремавшее общество, но едва ли съ этимъ можно вполнѣ согласиться. Эти событія лишь нарушили нашъ сонъ, но не пробудили насъ; оттого теперь и сбывается то, что нѣкогда предсказывалъ А. С. Хомяковъ: усыпленное правительствомъ общество, внезапно потревоженное, съ просонокъ несетъ всяческую дребедень. Истинное пробужденіе не есть только неспанье, но оно есть пробужденіе потребности ясной мысли (distinguo); а таковая съ полу-мыслями, съ полу-пониманіемъ и, наконецъ, съ полу-мѣрами — несовмѣстима. У насъ же пока мы видимъ лишь „полу-все“. Таковой же полу-мѣрою является и анекдотическое преслѣдованіе отдѣльныхъ іереевъ безъ всякой попытки рязъяснить положительно вопросы основные **). Благодаря этому, получается такой абсурдъ: отцы могутъ, повидимому, не безъ благословенія Синода, играть на политическихъ кимвалахъ, на струнахъ гражданственно-сладкогласныхъ; но если они берутъ нѣкоторыя ноты, кому то ненравящіяся, то ихъ за сіе подвергаютъ непріятностямъ. Правильнѣе было бы формально разсмотрѣть—позволительно ли духовнымъ лицамъ, съ забвеніемъ своего непосредственнаго призванія, брать въ руки свѣтскіе инструменты и на ихъ импровизировать, подобно другимъ? Если позволительно,— то какія мелодіи почитаться должны профанирующими званіе духовнаго виртуоза и какія нѣтъ?

---

*) Гарнакъ, хотя онъ большой либералъ по церковной части, и тотъ вступился за честь схоластицизма; и говоритъ, что изъ этого слова напрасно сдѣлали выраженіе умалительное, тогда какъ оно, въ сущности, лишь означаетъ простой и очень почтенный академизмъ.

**) Слышно, что, напримѣръ, на Московскомъ съѣздѣ земцевъ, гдѣ такъ много говорили о мелкой земской единицѣ, никто не поднялъ даже вопроса ни о томъ, чѣмъ должно быть земство вообще, ни даже хоть о томъ, что такое по себѣ должна быть эта мелкая единица. Ея „акциденціи“ были разобраны коекакъ, но ея „субстанція“ такъ и осталась незатронутой.

Древняя Русь даетъ намъ очень наглядный примѣръ и образецъ того, какъ Церковь, въ тѣ времена, понимала участіе ея служителей въ дѣлѣ государственномъ, что по теперешнему, когда вмѣсто понятія объ обязанности возобладало таковое же о правахъ, выразилась бы фразою: „пользованіе гражданскими правами". Въ минуту непосредственной опасности церковники выступали на защиту отечества наравнѣ съ мірянами (Пересвѣтъ и Ослабя), ибо, когда горитъ домъ, то всѣ безъ разбора занимаются тушеніемъ пожара; и можетъ случиться, что придется иной разъ іерею тушить головешки епитрахилью. Но когда теченіе государственной жизни шло правильнымъ порядкомъ, тогда духовенство привлекалось къ совѣту только по спеціальнымъ вопросамъ, которые почитались совмѣстимыми съ духовнымъ служеніемъ. Если иногда отъ этого, повидимому, и отступали, то лишь — повидимому. Если духовенство участвовало, напримѣръ, въ обсужденіи вопроса объ Азовѣ, то это былъ вопросъ объ его готовности жертвовать въ качествѣ крупнѣйшаго собственника. Да и то, сколько намъ извѣстно, на соборы приглашались лишь „черныя власти", т.-е. именно та часть дрховенства, которая наименѣе занята пастырствомъ душъ, а болѣе — окормленіемъ корабля церковнаго, что допускаетъ большую свободу личную, чѣмъ непосредственная cura animarum. Думаемъ, что и теперь есть не мало вопросовъ гражданскихъ, по которымъ выслушать мнѣніе представителей церкви весьма желательно. Но рядомъ съ этимъ мы думаемъ, что отвлеченіе священниковъ отъ алтаря и амвона, для разсмотрѣнія государственнаго бюджета и тому подобнаго, можетъ лишь смущать православныхъ, доселѣ почитавшихъ, что священники, избравшіе, по православному понятію, служеніе высшее, долженствующее совершенно поглощать ихъ время, не должны забывать сего высшаго дѣла для нишазго, могущаго быть сдѣланнымъ и не освященными руками.

Но рядомъ съ этимъ православнымъ воззрѣніемъ на отношеніе пастырей къ гражданскому дѣлу существуетъ въ Русскомъ народѣ и другое, твердое понятіе о томъ, что

вообще Царь долженъ совѣтоваться съ народомъ только по важнѣйшимъ дѣламъ, а вовсе не привлекать его къ постоянному, совмѣстному государствованію, такъ какъ этимъ не въ мѣру облегчается дѣло царское, которое народъ любитъ себѣ представлять „какъ очень и очень тяжелое", а посему и благоговѣетъ онъ передъ званіемъ и лицемъ царевымъ;—и вмѣстѣ съ тѣмъ возлагается совершенно непосильное бремя на самый народъ, который созданъ, чтобы жить по православному, а не политиканствовать черезъ мнимыхъ представителей, избраніе коихъ было, есть и будетъ дѣло самое не дѣльное, которымъ и онъ (да и почти всѣ народы) занимается по принужденію, въ угоду сильнѣйщимъ изъ своей среды.

Авторъ стариннаго англійскаго романа „Векфильскій викарій", Оливеръ Гольдсмитъ, остро очень подмѣтилъ и выразилъ англійскій взглядъ на народоправство, и его словами мы заключимъ настоящую статью: I found that monarchy was the best government for the poor to live in; and commonwealth for the rich. (Для бѣдныхъ—лучшая форма правленія монархическая; а для богатыхъ—всего выгоднѣе народоправство).

Д. Х.

